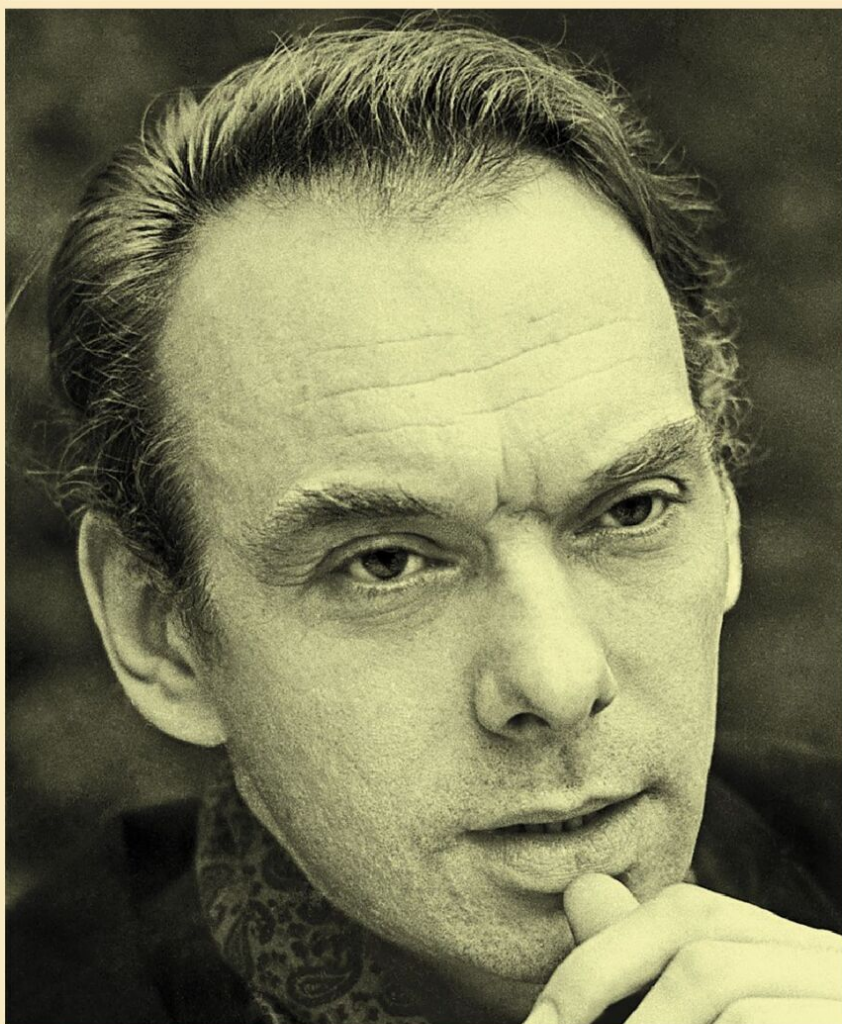

*Сергей
Мажуки*

АЛЕКСЕЙ БАТАЛОВ

*Я решил собрать
сюда все, без чего
не могло состо-
яться ничто
из того, что я
успел сделать*

Нежданно-негаданно
я получил роль Бориса
Бороздина в фильме
«Летят журавли»

В картине «Три
толстяка» я стал
не только режиссером,
но и исполнителем
роли канатоходца

Владимир Меньшов
предложил мне
принять участие
в его фильме «Москва
слезам не верит»

Сундук артиста

Зеркало памяти

Алексей Баталов

Сундук артиста

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=рус)6-44

Баталов А. В.

Сундук артиста / А. В. Баталов — «Издательство АСТ»,
2018 — (Зеркало памяти)

ISBN 978-5-17-126836-7

В книгу народного артиста СССР Алексея Баталова, по его собственному признанию, вошло то, что «особенно дорого и с чем никак нельзя расстаться». Ее составили те эпизоды из жизни актера, которыми он с удовольствием делится со своими читателями. Это и воспоминания о съемках фильмов «Летят журавли», «Дорогой мой человек», «Живой труп», «Звезда пленительного счастья», «Москва слезам не верит» и многих других, где он сыграл столь любимых зрителем героев, а также о картинах, режиссером которых выступил сам: «Три толстяка», «Игрок» и «Шинель». Это и рассказы о своей знаменитой актерско-писательской семье, а в нее входили Виктор Ардов и Анна Ахматова, о знакомстве с Федерико Феллини, Марселем Марсо, Юрием Норштейном, о работе с известными артистами и режиссерами и, конечно, о гастрольных поездках и путешествиях. Книгу органично дополняют эссе дочери актера Марии-Гитаны, и одно из них посвящено Венеции, куда он мечтал съездить с ней вместе, но не успел. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=рус)6-44

ISBN 978-5-17-126836-7

© Баталов А. В., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Сундук артиста	7
Ночка	8
Двор	12
Из писем к В.П. Баталову	14
Владимир	15
Писательский дом	16
Бугульма	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алексей Владимирович Баталов

Сундук артиста

© А.В.Баталов (наследники), 2021

© М.А. Баталова, эссе, 2021

© РИА Новости

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Сундук артиста

Эту книгу я посвящаю своей маме

Такой сундук – это не просто выдуманное название моей книги, а реально существующий и в наши дни спутник циркового артиста, распорядок работы которого в цирке связан с постоянными переездами.

*Но еще дело в том, что далеко не каждый имел свое собственное жилье, и поэтому все необходимое для бесконечных гастролей находилось именно **в сундуке**, а в маленьком ящике сохранялось то, что особенно дорого и с чем никак нельзя расставаться.*

Подобный сундук был еще во времена Мольера, непромокаемый, скованный по углам, прочный, он путешествовал в поисках публики, на крыше балагана из города в город, с ярмарки на ярмарку.

Ночка (Гитана Георгиевна Леонтенко)

Я впервые увидел этот сундук, когда познакомился с цирковой актрисой Гитанной Леонтенко. Это было в Ленинграде, где она со своей мамой работала в программе «Ревю», так что в цирк моя будущая жена попала не случайно.

А мама Гитанны, Гитана Георгиевна Леонтенко, вступила на цирковую стезю очень интересным образом.

Вот что об этом написал цирковой артист Сергей Курепов:

«Вскоре после экзаменов, когда учеба у нас шла полным ходом, в техникуме появилась маленькая цыганка. Ее привезла в Москву из молдавского села дальняя родственница, решившая пристроить способную девочку где-нибудь в Москве. Девочка умела лихо танцевать, что у цыган ценится очень высоко. Идя по одной из московских улиц, они остановились возле тумбы, оклеенной разными афишами. Цыганочка показала грязным пальчиком на цирковую афишу, где была изображена наездница на лошади.

– Я хочу быть такой, – сказала она.

Случайным свидетелем этого оказался наш Володя Воробьев. Услышав слова маленькой цыганки, он спросил ее:

– Ты любишь лошадей?

– Очень люблю.

– Ты хочешь быть наездницей?

– Очень хочу!

– А может быть, ты хочешь работать на кондитерской фабрике?

– Нет, я хочу быть наездницей!

– А хочешь в магазине продавать куклы?

– Я хочу быть наездницей! – упрямо повторила цыганочка и топнула ногой.

– Значит, ты хочешь быть наездницей и больше не хочешь ничего?

– Нет, я еще есть хочу.

– А что ты умеешь делать?

Ничего не ответив, цыганочка тут же пустилась в пляс. Она отчаянно трясла плечиками, хлопала себя по животу и бедрам, притоптывала босыми ножками, выкрикивала непонятные слова, обнаружив невероятный темперамент и хорошее чувство ритма. Желая окончательно пленить Воробьева и зрителей, успевших к этому времени окружить ее, цыганочка в ритме танца прокричала на русском языке неприличную частушку, очевидно, не понимая ее смысла. Зрители рассмеялись, а исполнительница, видя такой успех, пошла с протянутой рукой по кругу выпрашивать деньги. Но Володя взял ее за руку, прервал это привычное для нее занятие и сказал: “Деньги у нас есть”. Он повел женщину и девочку в кафе. Цыганки много ели и молчали, а Володя рассказывал о цирковом техникуме. Дальше было так. Он привел своих знакомых в ТЦИ, девочку просмотрели. Она понравилась. Но в приеме ей отказали из-за полного отсутствия какого-либо образования. Спустя несколько дней подопечные Воробьева снова появились в ТЦИ. У женщины была бумага из Наробраза, в которой директору техникума категорически предлагалось зачислить цыганку на первый курс. В то время это было возможно. Шла борьба с остатками беспризорности. И если подростка можно было куда-либо пристроить, этому всячески содействовали. Маленькую цыганку приняли в ТЦИ. Жить ее устроили в комнате, где жили все наши девочки.

Она вошла с узелком в руках, сказала, что зовут ее Ночка, вынула колоду карт, ловко перетасовала ее и начала гадать. Девочки потянулись к ней, и она сразу же стала своим человеком, как будто жила здесь с начала учебного года.

О цыганках так много писали, что как бы мы ни расписывали ее внешность, при слове “цыганка” возникает определенный стереотип. У Ночки, так же как и у большинства цыганок, было всего очень много: волос, глаз, губ, смуглости кожи, темперамента. Всего этого хватило бы по меньшей мере на три обычных человека. Ночка была красивая. Она была очень маленького роста и напоминала шотландского норовистого пони с густой гривой. На вид ей можно было дать и двенадцать лет, и пятнадцать. Кстати говоря, она сама точно не знала своего возраста.

Не зря Володя Воробьев поверил в эту маленькую беспризорную девчонку. С первых дней своего обучения она буквально вцепилась в лошадь и не отпускала ее до тех пор, пока не ушла на пенсию.

Старый артист Наполеон Фабри, обучавший Ночку искусству наездницы, был доволен своей ученицей, ее способностями и готовностью репетировать в любое время дня и ночи.

В те годы техникум окружали маленькие деревянные дома. Однажды к нам во двор пришла плачущая соседка и сказала, что у нее пропала курица. Увидев цыганку, она направилась прямо к ней. И не ошиблась. Подойдя к вагончику, возле которого стояла Ночка, женщина обнаружила рассыпанные по земле пестрые куриные перья. Из открытой двери вагончика доносился аромат куриного бульона. Хозяйка курицы вцепилась в цыганку и подняла крик. Сбежались студенты, репетировавшие во дворе. На шум вышел Оскар Густавович Линднер. Увидев директора, женщина отпустила цыганку и с воплями бросилась к нему.

Выслушав пострадавшую, он зашел в вагончик, заглянул в кастрюлю, все понял и приступил к «расследованию»:

- Товарищ Ночка, это ваша кастрюля?
- Моя.
- В ней варится курица?
- А кто ее знает, курица или петух.

Все рассмеялись. Оскар Густавович улыбнулся. Напряженность несколько разрядилась.

Диалог продолжался.

- Чья это курица?
- Моя.
- Где вы ее взяли?
- Купила.
- Где?
- На базаре.
- Откуда у вас деньги?
- Мне прислали.
- Откуда?
- Из Кишинева.
- У вас есть корешок перевода?
- Я его выбросила.
- Сколько вам прислали денег?
- Десять рублей.
- У вас остались деньги после покупки курицы?
- Нет, я отдала долг.
- Кому?
- Володе Воробьеву.
- Позовите Воробьева.

– А он ушел в кино.

Директор пришел в некоторое замешательство. После небольшой паузы возобновил «допрос».

– Сколько стоит курица!

– Три рубля.

Но тут вмешалась хозяйка курицы. Она снова завопила:

– Что?! Три рубля! Такая курица стоит шесть рублей!

Линднер вынул бумажник, достал шесть рублей и вручил их женщине. Та ругнула цыганку, успокоилась и тут же ушла. Оскар Густавович обратился к Ночке.

– Вы способная девушка. Будете хорошей наездницей. Вы совершили некрасивый поступок и больше никогда этого не делайте.

Он вынул из бумажника пять рублей и протянул их Ночке. Она замахала руками: “Что вы, что вы, не надо”, и тут же взяла деньги. Ночка растрогалась, заплакала, вытерла кулачком слезы и сказала:

– Оскар Густавович, клянусь вам здоровьем моей матери, я не виновата, курица сама подошла ко мне.

Мы захохотали.

Громче всех рассмеялся директор.

– Представляю себе картину: подходит курица и говорит: “Товарищ Ночка, отрубите мне голову и сварите из меня бульон”.

Мы еще сильнее рассмеялись. Теперь уже вместе с нами смеялась и Ночка. Линднер ушел. Цыганка, как гостеприимная хозяйка, пригласила желающих отведать куриной лапши.

Когда цыганка перед директором клялась здоровьем своей матери, мы вспомнили, как она рассказывала нам о том, что ее мать умерла много лет назад и Ночка совершенно не помнит ее.

Ночка очень нравилась многим нашим ребятам. Вместе с нами на 1-й курс был принят Толя Ярославский. Это был красивый, стройный мальчик, обладавший великолепной прыгучестью. Особенно хорош был у него прыжок “рондат сальто-мортале”. И хотя исполнял этот прыжок лучше нас всех, делать его без страховки боялся.

Предстояли весенние экзамены. Толя переживал: что же будет на экзамене? Об этом узнала Ночка. Она подошла к Ярославскому и сказала: “Ты должен исполнить прыжок без страховки. За это я тебя поцелую”.

Толя был вдохновлен. На экзамене он великолепно выполнил прыжок. Вот ведь как бывает!

Многим из нас Ночка гадала на картах, предсказывая будущее. Но она во многом ошибалась. А вот Линднер, предсказав цыганке, что она будет хорошей наездницей, не ошибся. Ночка полностью оправдала его предсказания. Она стала прекрасной наездницей. В ее номере был выезд, когда она стояла на быстро мчавшейся лошади в туфлях на высоких каблуках, чего никто до нее не делал.

Ночка (Гитана Георгиевна Леонтенко) вырастила дочь Гитанну, ставшую разносторонней артисткой – наездницей, акробаткой и танцовщицей, много лет проработавшей солисткой в цыганском цирковом ансамбле».

Через 10 лет после нашего знакомства, когда Гитанна стала моей законной женой, сундук поселился у нас в доме.

Но судьба распорядилась так, что мне пришлось целый год отрабатывать право стать настоящим, законным его владельцем.

В 60-е годы прошлого столетия в мировом кинематографе появился так называемый широкий формат. В СССР тоже решили освоить это новшество, поскольку не могли отставать от капиталистов.

Дело это требовало колоссальных затрат, нужно было закупать съемочное и звукозаписывающее оборудование, переделывать экраны в кинотеатрах, устанавливать новые кинопроекторы, и не только это. Так вот, с целью хорошенько освоить все, что требовала новая форма, были запущены в производство сразу два детских фильма, в Москве «Айболит» с Роланом Быковым, а в Ленинграде, после долгих сомнений, «Три толстяка» Ю.К. Олеси. Хотя Юрий Карлович был не самым любимым сказочником советской власти.

И вот так в этой работе я стал не только режиссером, но и исполнителем роли канатоходца Тибула.

Центральной сценой моего героя являлся, конечно, проход по проволоке над площадью на высоте 4-го этажа.

«Ленфильм» послал запрос на оборудование для комбинированных съемок, но оказалось, что таковое не закупили.

А треть картины была уже снята, и передо мной возникла необходимость, кроме всего прочего, срочно учиться ходить по канату.

И не женись я до этого на цирковой актрисе, невозможно и представить, как бы мне пришлось выворачиваться из этой ситуации.

Съемки продолжались, а канат стал моим ежедневным орудием пыток, он был натянут и дома, и на студии.

А во время экспедиций его натягивали где попало, и даже просто между деревьями.

Таким образом, к осени, когда были готовы декорации для съемок на площади, я уже мог довольно уверенно идти по канату без страховки. Мало того, по ходу съемок мне тоже, как в старину, приходилось ездить и переодеваться в настоящем балагане, так что я честно заработал право на этот замечательный сундук.

А теперь, когда гастроли по жизни подходят к концу, я решил собрать сюда все, без чего не могло состояться ничто из того, что я успел сделать.

Двор

Как бы я ни старался, все самые первые мои воспоминания связаны с производственным двором Художественного театра.

Когда я появился на свет, моим родителям, в ту пору актерам театра, выделили служебную комнату на втором этаже маленького дома, находящегося в этом закрытом от посторонних внутреннем дворе. Здесь жили со своими семьями сторожа, пожарники и те сотрудники, которые должны находиться при театре постоянно.

Теперь я понимаю, что ничего более интересного для маленького человека и придумать невозможно. Вообразите себе, в нашем дворе сложены огромные декорации, проветриваются диковинные костюмы, в ящики укладывают необыкновенно интересный реквизит и, наконец, стоят повозки и самая настоящая карета. И тут же во дворе – мастерские, где все это изготавливали, ремонтировали, красили. Просто детский рай. А еще в погожие дни здесь прогуливались в антракте одетые в необыкновенные наряды и загримированные актеры и актрисы.

Тогда я думал, что вообще все взрослые люди работают в театре.

И моя «первая в жизни работа» тоже связана со сценой.

Осенью, перед открытием сезона, нас – ребятишек, живших в этом дворе, – посылали под сцену вылавливать кошек, которые находили там прибежище в то время, когда театр уезжал на гастроли или труппа уходила в отпуск.

Любому, кто работал в театре, известно, что нет ничего страшнее для исполнителя, чем кошка, неожиданно появившаяся во время спектакля на сцене, поскольку в то же мгновение все внимание зрителей переключается на нее. Потому что, сколько бы ни страдали Ромео и Джульетта, публике гораздо интереснее, как к этому относится кошка.

Мое представление о том, что все взрослые работают в театре, подтверждалось еще и тем, что все мои родственники, а не только папа и мама, были актерами Художественного театра.

А дорогу в этот театр для всей семьи, конечно же, проложил мой дядя Николай Петрович Баталов, которого К.С. Станиславский взял в 1916 году в труппу, увидев его в спектакле «Зеленое кольцо», где дядя Коля, еще студент, исполнял роль переплетчика Пети.

А в 1919 году в театр, вслед за Николаем Баталовым, был принят мой будущий папа – Владимир Баталов.

Тут надо заметить, что через некоторое время папа из Баталова превратился в Аталова.

Станиславский считал, что в труппе не может быть двух актеров с одной фамилией. И поэтому жена дяди Коли всегда оставалась Андровской, а моя мама – Ольшевской.

В то время я, конечно же, не представлял себе, какие люди меня окружают, для меня они были просто дяди и тети.

В последний раз я видел дядю Колю летом 1937 года на даче, которую ему предоставило правительство по просьбе театра. К этому времени он был уже тяжело болен, но со мной и со своей дочерью Светланой оставался приветливым и веселым.

Гораздо позже я понял, что он попросил папу привезти меня для того, чтобы повидать нас, детей, в последний раз. А осенью этого же года его не стало.

Рассказывая о сундуке, я уже говорил о небольшом ящичке, где хранятся никогда не являющиеся на публике дорогие сердцу вещицы, с которыми никак нигде нельзя расставаться. А для меня это не только память, но и судьба моих родных, самых близких людей.

Здесь у меня спрятано всего-навсего одно золотое колечко, покрытое зеленой эмалью с мхатовской чайкой. Внутри колечка надпись: «1916–1926 Н. Баталов».

Это кольцо Константин Сергеевич Станиславский вручил Николаю Баталову в год 10-летнего юбилея его служения во МХАТе.

А мне много лет спустя его передала жена дяди Коли – Ольга Николаевна Андровская, моя любимая тетя Леля.

В 1916 году, заканчивая учебу в актерской студии, Николай Баталов показывался в спектакле, который назывался «Зеленое кольцо», и надо было так случиться, что на этот показ в качестве почетного гостя был приглашен Станиславский. Константину Сергеевичу спектакль понравился, он похвалил руководителя студии, педагогов, а Баталова пригласил в свой театр. В тот час Станиславский и представить себе не мог, с каким нашествием родственников Баталова ему придется иметь дело.

Дядя Коля прожил небольшую, но яркую жизнь.

Преданный ученик Станиславского, артист МХАТа, актер кино, как немного, так и первых звуковых фильмов.

Люди до сих пор мечтают добраться до Марса, а Николай Баталов там давным-давно побывал, что зафиксировано в фильме «Аэлита».

Когда в театре начинался сезон и съезжались актеры, дядю Колю ехидно спрашивали: «Ну что? Отдыхал? Или опять в кино рожи корчил?...» – ведь в немом кино у актера не было речи, только мимика.

Представьте себе, что произошло, когда Баталов появился в первых звуковых фильмах. А песню «Каховка», которая прозвучала в фильме «Три товарища», распевала вся страна.

Наверное, поэтому вышло распоряжение выпустить граммпластинку с записью этой песни. И вот в один прекрасный день на дачу к дяде Коле нагрянула большая группа людей с громоздкой аппаратурой для граммофонной записи, дяде Коле подложили под спину подушки, он уже не вставал, меня и Светлану выставили на улицу, началась запись. Вот таким образом появилась пластинка с этой песней.

В театре (несмотря на болезнь и постоянное лечение) он продолжал играть в самых знаменитых спектаклях – «Фигаро», «Царь Федор Иоаннович», «Бронепоезд 14–69».

С 1933 года преподавал актерское мастерство в ЦЕТЕТИСе (Центральный техникум театрального искусства)¹ и в ГИЖе², где работал и мой папа, а теперь работаю и я.

Но для меня он был и остается улыбающимся, добрым, любимым дядей Колей.

Много лет спустя от бабушки я узнал, что он мой крестный отец.

А разбирая архив отца, я нашел несколько хранившихся у папы писем, в которых дядя Коля, уже тяжело больной и отправленный лечиться за границу, постоянно справлялся обо мне.

¹ Впоследствии ГИТИС им. А.В. Луначарского.

² Впоследствии ВГИК.

Из писем к В.П. Баталову

10.12.1935

Польша. Закопане

Володя, дорогой, здравствуй! Ну, как ты живешь?

Напиши мне подробно, как твои дела? Мне все будет интересно. Как в ЦЕТЕТИСе, где еще работа у тебя?

Что в кино? Алеша, очевидно, давно поправился! Поцелуй его, пожалуйста, за меня и скажи, что я его помню и люблю и что, если он что-нибудь нарисует и напишет и пришлет мне, я буду очень ему благодарен.

18.12.1936

Италия, Нерви

Ну, мой родной, целую тебя и обнимаю крепко! Желаю тебе здоровья и успехов, как в этом году, так и в будущих! Поцелуй отличника – дорогого курносого Алешку! Желаю ему и дальше быть таким же молодцом!!!

Товарищам, друзьям – привет.

01.03.1937

– За границей хорошо месяц отдыхать, но не лечиться, и бегом домой, обратно. Так что: театр мечтает о Париже, а я – о Москве!!!

Леся приедет (приблизительно) в середине марта, после вызова Влад. Ив.

Горячий привет – Г.А. А.И...

Целую Алешку, этот мерзавец мне упорно не пишет.

Обнимаю тебя.

Твой Николай.

Владимир

На лето, когда актеры уходили в отпуск, мама отвозила меня к своим родителям во Владимир.

Мои дедушка и бабушка оба были врачами. Бабушка работала в больнице, а дедушка, отвоевавший в Первой мировой войне кавалеристом, был главным ветеринаром области и разъезжал по всему району на казенной лошади, так что во дворе была даже конюшня, возле которой стояли бричка и деревянные сани. По происхождению дедушка и бабушка были потомственными дворянами, бабушка Нина Васильевна из рода Нарбековых, а матерью деда, Антона Александровича Ольшевского, была урожденная графиня Понятовская.

Двери на улицу у них в доме никогда не закрывались, на случай если вдруг придет больной человек, которому надо помочь.

И представьте себе, что много лет спустя привычка не запираеть двери буквально спасла мою маму от верной гибели.

Однажды мама поехала в Подмосковьё снять на лето комнату – дачи у нас никогда никакой не было, и, договорившись с хозяевами, осталась там переночевать. В эту ночь хозяин дома по обыкновению занялся производством самогона в сених, где у него за печкой размещалась «лаборатория». И когда по этой причине начался пожар, только мама сумела выскочить на улицу, потому что она не заперла дверь.

А дом сгорел дотла вместе с хозяином и собакой.

Мама не говорила мне маленькому, почему мы летом отдыхаем в Подмосковьё, а не у деда во Владимире.

К этому времени дед уже умер во Владимирской тюрьме, а бабушка отбывала десятилетний срок в Сибири, так как они по происхождению абсолютно не подходили установившейся власти.

Но бабушку, дал Бог, я еще раз увидел. Она появилась у нас на Ордынке, хотя срок ее еще не был закончен.

Выпустили ее, собственно, умирать, она была так больна, что держать в лагере ее было нецелесообразно, и разрешили сделать операцию на воле в какой-нибудь лечебнице. Таким образом, бабушка оказалась на Ордынке.

Она уже не могла вставать, только лежала, но это была та же самая моя родная бабушка, добрая, постоянно спрашивающая, как у меня дела.

Операция ей не помогла, она умерла в больнице, и мы похоронили ее в Москве, на Ваганьковском кладбище.

А через год к маме на Ордынку стали приходиться незнакомые люди из тех, кто отбывал срок в одном бараке с бабушкой. Узнав, что Нины Васильевны уже нет, рассказывали, как она помогала больным и своим участием скрашивала долгие дни заключения.

Писательский дом

Это фотография на обложке книжечки Виктора Ардова «Малолетние граждане». Здесь я в том самом театральном дворе, откуда Ардов забрал нас с мамой в писательский дом.

И вот, вообразите себе, что я, никогда еще не выходивший в город из этого закрытого закулисного мира, вдруг оказался в настоящем многоэтажном доме, на настоящей улице с тротуарами, прохожими и даже автомобилями, которые нещадно бибикали.

Квартира наша была на первом этаже, и окна со стороны двора располагались почти на уровне земли, благодаря чему летом я отправлялся гулять через окно, прямо из комнаты. Таким образом, взрослые занимались своими делами, но мы, дети, оставались под присмотром.

Так я стал настоящим городским жителем и вместе с другими писательскими детьми каждый день отправлялся в группу учиться французскому языку. Все жильцы этого дома прекрасно знали друг друга, а поэтому даже в нашей крохотной квартире постоянно кто-то бывал: и мамыны подружки из театра, и писатели, жившие в этом доме. Только потом, когда вырос, я узнал, что дядя, который разговаривал с Ардовым у окна в то время, когда мы с его сыном

гуляли в нашем дворе, – Михаил Булгаков, а Сережа, с которым мы гуляли, – его пасынок, они тоже жили в этом доме.

Но самым желанным гостем для меня был дядя, который всегда рассказывал удивительные истории о своей знакомой волшебнице. Этим рассказчиком оказался Юрий Карлович Олеша, обладавший неумной фантазией. Скорее всего, рассказы эти он сочинял на ходу и, видимо, на злобу дня, поскольку слушать его собирались и все взрослые.

Однажды в нашей квартире появилась удивительная гостья, и по тому, как с ней разговаривали, как о ней заботились, я понял, что это совершенно особенная тетя. Она была из другого города и осталась у нас на ночь, ей предоставили диван в большой комнате, что полностью убедило меня в ее исключительности. В то время я болел и не выходил из дома.

А когда мама и Витя уходили на работу, мы оставались в квартире вдвоем: я, моя няня Настя и необыкновенная гостья из Ленинграда. Как-то раз за завтраком, когда она сидела напротив меня, а я, раскапризничавшись, выбросил из тарелки котлету, любимая няня Настя принялась меня бранить, а Анна Андреевна совершенно спокойным голосом спросила: «Алеша, а вы что – не любите котлеты?» – чем совершенно меня обескуражила. Вот так началось мое знакомство с Анной Андреевной Ахматовой, и этот эпизод я помню по сей день.

Много лет спустя я узнал, что в квартире на верхнем этаже нашего подъезда жил Осип Эмильевич Мандельштам, которого в этой же квартире арестовали, и он навсегда сгинул в бездне ГУЛАГа. В тот вечер, когда за ним приехали, у него в гостях была Анна Андреевна, и ее не выпускали из квартиры до самого утра, пока не был закончен обыск.

Потом из этого дома в Нащокинском переулке мы переехали в небольшую квартирку только что построенного для писателей дома напротив Третьяковской галереи.

А после рождения братика Миши перебрались на Большую Ордынку.

Когда мы прожили в этом доме уже много лет, мой высокообразованный брат Михаил где-то раскопал сведения о прошлом нашего жилья.

Вот что он написал:

«Здание, в котором находилась квартира моих родителей (Большая Ордынка, 17), стоит и по сию пору. Вид у него ужасный, там и сям торчат какие-то несуразные балконы, окна разной величины... Эта безвкусица – результат надстройки, дом был изуродован незадолго до войны. А до той поры был он двухэтажным и вид, как можно догадаться, имел вполне пристойный.

Увы, мы узнали, кому когда-то принадлежал этот дом, уже после смерти Ахматовой. Об этом можно пожалеть, поскольку владельцем здания был известный купец Куманин, а его жена приходилась теткой Достоевскому, и в своем отрочестве Федор Михайлович частенько гостил у своих родственников.

Анна Андреевна очень любила Достоевского, и ей, без сомнения, было бы приятно сознавать, что она живет в том самом месте, где и он в свое время бывал».

Здесь у нас была просторная квартира, и даже хватило места для рояля, с помощью которого родители надеялись приобщить меня к миру музыки.

Бугульма

Жизнь текла своим чередом, я ходил в ту же школу, благо, что от Ордынки до писательского дома было рукой подать. По вечерам к нам приходили те же люди, друзья папы Вити и мамы. Такой снимок сделан в день моего рождения, и по этому случаю мне впервые в жизни повязали настоящий галстук.

Мы с мамой и Анной Андреевной

И это последняя моя фотография перед войной, а вот первая фотография, сделанная уже в Бугульме, куда после долгих переездов мы с мамой добрались в товарном вагоне, как настоящие беженцы.

Но путь в Бугульму был совсем не простым. Ведь в начале войны никто и не думал уезжать из Москвы. Невозможно было даже представить, что линия фронта вплотную приблизится к столице.

И вот у этих Ордынских ворот мы стояли и ждали автобуса, чтобы ехать на вокзал. Мама с Борькой на руках, он был еще грудной, Миша, которому было около четырех лет, и я отправились в эвакуацию. А для меня – из этой гламурной жизни с галстуками и роялем в настоящую человеческую жизнь.

Тогда все были уверены в скором окончании войны. Молодые люди полагали, что действительно соберемся сейчас, пойдем, наши танки быстры, ни пяди земли не отдадим... И уходили на фронт, так мой двоюродный брат ушел добровольцем и погиб на Волге в самом начале войны. Когда стало понятно, что война как-то не кончается, нас отправили с другими писательскими семьями в Казань сначала поездом, затем пароходом. А когда вечером наш корабль должен был причалить, в Казани впервые было введено затемнение, и на наших глазах город исчез, все сделалось черным. В темноте корабль подошел к пристани, мы на ощупь разыскивали свой багаж, мама с грудным Борькой, держа за руку маленького Мишу, в темноте спускалась по шатким мосткам. Было очень страшно, казалось, что мы по этому трапу из прежней жизни перешли в войну.

В Казани мы задержались недолго и по совету «знающих» людей перебрались в Бугульму, где поселились в настоящей крестьянской избе с русской печью и коровником во дворе.

Ждать в то время помощи, каких-то денег из Москвы, было глупо, поскольку Ардов отправился корреспондентом на фронт, хотя по состоянию здоровья вполне мог оставаться в тылу.

А папа оказался в ополчении, которое оставалось в Москве.

И конечно, прежде всего на базар пошла мамина одежда, но главным подспорьем стали выступления, организованные мамой в местном госпитале.

Чем дальше от фронта, тем страшнее и тяжелее ранения, с которыми поступали бойцы, так что здесь были те, кому уже не суждено вернуться на фронт. Мама разыскала нескольких, так же эвакуированных актеров и даже пианиста, и вот в столовой и по палатам этого госпиталя

читали стихи, пели, а иногда даже играли маленькие сценки. Денег, конечно, никаких не получали, а давали, например, оставшиеся с кухни кости, из которых потом дома мама готовила суп.

Постепенно к этим выступлениям присоединялись актеры, так же, как и мы, выведенные в Бугульму войной.

Но вот однажды кто-то из городского руководства, знавший об этих выступлениях, попросил маму организовать для новобранцев, уходящих на фронт, что-то вроде концерта. И это мероприятие устроили в здании полузаброшенного Дома культуры с настоящим зрительным залом, сценой и занавесом. Так постепенно, благодаря этим выступлениям, крошечная труппа, собравшаяся вокруг мамы, взялась за настоящую пьесу – «Русские люди» Константина Симонова. Спектакль, конечно, посмотрели городские власти, предложившие вскоре использовать этот зал как настоящий театр.

Маму назначили художественным руководителем! А я официально занял должность помощника рабочего сцены. Сейчас сложно передать мои чувства, когда вместо иждивенческой я получил хлебную карточку служащего! В мои обязанности входило заправлять керосиновые лампы на случай, если не будет электричества, зажигать и расставлять их на авансцене.

А моим главным начальником и единственным рабочим сцены был инвалид войны, у него совсем не сгибалась нога. С ним мы готовили сцену и меняли в антракте декорации, но, конечно, главным на моей совести было открытие и закрытие занавеса.

Днем в этом театре специально для детей давали сказку «Три апельсина». Ай, как я любил эти дневные представления, эту публику. Нигде и никогда потом я не чувствовал себя таким взрослым и нужным человеком, как в тот момент, когда, пройдя через набитое ребятами фойе, я хозяйским жестом отворял служебную дверцу кулис и скрывался, именно скрывался за ней, ощущая всей спиной горящие, завистливые взоры своих сверстников.

Мама долго не выпускала меня на сцену даже в качестве статиста. Я был рабочим, бутфором, декоратором и всем, чем придется, но за кулисами. И моими партнерами всегда оставались только деревяшки да холсты.

Но однажды случилось чудо! В «Трех апельсинах» был такой потрясающей силы момент, когда заколдованная героиня, наконец освобожденная героем, является перед зрителями. При этом она должна выходить из разрушенного им апельсина. А этот огромный фанерный апельсин стоял в глубине у задней кулисы, и за ним, скорчившись, пряталась актриса. Но в момент открытия кто-то должен был перехватить распахнутые половинки, иначе ни выпустить героиню, ни удержать эту штуку от падения было невозможно. На репетициях я приспособился, лежа на спине, просовывать руки под задником так, что, ухватившись за рейки, мог точно открыть и держать половинки апельсина, оставаясь невидимым для зрителей.

На премьере спектакль шел, как говорится, «под стон». Ведь в нашем театре это был первый настоящий детский спектакль. Впервые зал до отказа заполнили ребята...

И вот началась картина с апельсином. Я занял свое место за задником. Так, прижавшись щекой к полу, одним глазом я мог подсматривать снизу за тем, что происходит на сцене. Видны только ноги артистов да черный провал зрительного зала.

Десятки раз на репетициях я точно так же смотрел из-под задника, спокойно дожидаясь своей реплики, а тут, как только я увидел зал, меня вдруг охватило страшное волнение. Я почувствовал, что темнота – это люди, глаза которых, все до единого, обращены в мою сторону. Хотя они не знают, что апельсин – это я, для них меня нет, есть только этот рыжий шар, от которого все они ждут чего-то невероятного, а совершить это чудо должен и могу только я.

За время репетиций я невольно выучил наизусть весь текст этой картины и запомнил все мельчайшие подробности любой мизансцены. На спектакле вроде бы ничего и не изменилось, но теперь каждая произнесенная актерами реплика вдруг приобрела для меня совершенно иное значение. Я как будто сам говорил эти слова и проигрывал все, что надлежало пережи-

вать исполнителям. Казалось, что сейчас на сцене все происходит взаправду, а я, хотя и знаю наперед ход событий, почему-то всем существом стремлюсь помочь героям.

Но вот последний шанс, последнее усилие, теперь нужно только разрубить апельсин.

Через щелку я вижу, как ноги принца повернулись в мою сторону. Я вцепился в деревянные рейки мокрыми от напряжения руками. От страха я совершенно забыл, что, кроме меня и деревяшки, есть еще актриса, которая, согнувшись в три погибели, точно так же, как я, прячется от публики.

И вот герой медленно приближается к апельсину. Казалось, что пальцами я ощущаю поток внимания, который уперся и давит в мой фанерный щит.

Реплика. Удар деревянной шпаги. Я открываю створки. Секунду-две в зале тишина – и вдруг овация. Грохот, крики.

Я понимаю, что это аплодисменты и визг по случаю появления героини, я понимаю, что все уже случилось и роль моя окончена, но чувства живут отдельно, и сердце прыгает, и я задыхаюсь от радости, потому что я сопричастен случившемуся. Все мое существо, все мои нервы, вопреки рассудку, жадно ловят этот ликующий треск зала, все без остатка отдавая мне одному. И кажется, без меня она никогда бы не была освобождена, и не было бы всего, что случилось.

Вот это и были те первые аплодисменты, которые в душе я и сегодня считаю своими.

Театр занимал у меня все свободное время, надо ли говорить, что мама просто разрывалась между домом и работой.

Сейчас я даже представить себе не могу, откуда у этой обремененной тремя детьми, домашними хлопотами, работой в театре женщины хватало сил еще выходить на сцену и играть роли. Но однажды на спектакле «Последняя жертва», когда я, как всегда, стоял на своем месте у занавеса, мама вдруг, не договорив фразу, облокотилась на стол, а потом упала на него, потеряв сознание. К ней бросились бывшие на сцене актеры, в зале зашумели, я стал закрывать занавес, а за кулисы прибежал, к счастью, бывший в тот вечер на спектакле врач, который сказал, что это голодный обморок. Спектакль пришлось отменить, но через неделю, по тем же билетам, зрители его посмотрели, а по окончании долго-долго аплодировали маме.

Теперь, когда мамы нет, оглядываясь в прошлое, я совершенно ясно вижу, что она не только создатель моей судьбы, но и человек, рядом с которым самые разные люди обретали покой, утешение и надежную опору в трудные времена.

Воистину дороги судьбы неисповедимы.

Сколько ни загадывай, ни рассчитывай, судьба способна уготовить тебе такое, что и во сне не приснится.

Мог ли я вообразить, что еще школьником окажусь на сцене настоящего театра, в costume и гриме, и произнесу свою первую в жизни актерскую реплику: «Кушать подано». А случилось так, что однажды, когда заболел один из актеров, в упомянутом выше спектакле «Последняя жертва» мама дала мне сыграть небольшую роль лакея Василия.

Страшно сказать, но эти тяжелые годы эвакуации оказались для меня бесценной школой жизни, а кроме того, я узнал театр изнутри.

В Бугульме я научился запрягать лошадей, как в сани, так и в телегу; ездить верхом, колоть дрова и еще многому, что москвичу и не снилось, кроме, пожалуй, курения.

А оборотной стороной этой медали стали плохая учеба и незнание иностранных языков и точных наук. Как-то потом, после войны, папа Витя сказал: «А ты помолчи, у тебя образование, как белье, – ниже».

Но бугульминские учителя относились ко мне снисходительно, они всегда бывали у нас на спектаклях, и думаю, только благодаря этому я все-таки как-то переходил из класса в класс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.